

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ / LITERARY CRITICISM

Е. Белова

Диалог с властью в письмах М. Шолохова

В новых исследованиях, посвященных творчеству М. Шолохова, настойчиво повторяется мысль о противоречивости его личности. Так, С. Кормилов отмечает: «Среди собственно советских писателей Шолохов являет собой, пожалуй, самую выдающуюся и столь же загадочную и противоречивую фигуру. ... Одинаковый в обращении со всеми от простого казака до Сталина и Брежнева, Шолохов был вместе с тем чрезвычайно «закрытым» человеком. О своей жизни принципиально не рассказывал практически ничего. ... Скрытность Шолохова порождала невероятные легенды о нем, беспрепятственно кочевавшие по страницам разных изданий» (Кормилов, 1998, 368–369). В советском литературоведении создавался миф о писателе, против чего Шолохов не возражал. К концу жизни сам он стал, пожалуй, частью утопического советского мифа.

Безусловно, М. Шолохов является человеком советской эпохи, её ровесником. Революция 1917 года произошла, когда ему было 12 лет. В 15 он уже принимал активное участие в революционных процессах в деревне. И всего год он не дождал до заката советской эпохи, до начала перестройки. Эпоха, настойчиво внедрявшая миф о коммунистическом «рае», не могла не наложить отпечаток на судьбу и личность писателя. Он, пережив три политические эпохи – репрессивный сталинский социализм, хрущёвскую «оттепель» и брежневскую «эпоху застоя», остался верен идеям советской власти. «Видимая близость коммунистических постулатов народным идеалам соборной жизни (толстовским принципам «жизни миром») делала писателя активным сторонником строительства социализма и коммунизма, – пишут В. Агеносов и Т. Павловец. – Но реальная практика этого строительства приводила к желанию исправить ошибки, воздействовать на мир своим писательским словом, а порой и к сомнению в возможности такого воздействия» (Агеносов, Павловец, 2000, 353). Конфликт между мечтой и действительностью, между мифом и реальностью составляет суть внутренней драмы писателя на протяжении всей жизни, о чем свидетельствует его эпистолярное наследие. Шолохов не слишком дорожил своими письмами, не хранил их, почти не оставлял копий отосланных писем (исключение – письма к Сталину), поэтому в

настоящее время собрана далеко не вся его корреспонденция. Объектом рассмотрения в данной статье стали письма писателя к первым лицам Советского государства – И. В Сталину, Н. С. Хрущёву и Л. И. Брежневу. Главной задачей исследования является стремление проследить динамику характера отношений М. Шолохова с властью, показать их неоднозначность и драматизм.

Судя по письмам, сутью личности М. Шолохова было правдоискательство. Как коммунист, как депутат Верховного Совета СССР (с 1938 года до конца жизни) он всегда старался активно вмешиваться в жизнь, отстаивать правду и справедливость, какою она ему в данный момент представлялась. В условиях, когда литература мыслилась придатком пролетарской идеологии, стремление Шолохова говорить «правду, и только правду» сразу столкнулось с жесткой оппозицией. Критика того времени не вникала в тонкости художественного мастерства писателя, она строго блюла идеологическую «правильность» художественных произведений. Его постоянно обвиняли в идеализации казачьего образа жизни, в принижении роли рабочего класса, в беспристрастном изображении классовой борьбы... и задерживали публикации. *Тихий Дон* объявлялся произведением чуждым и враждебным пролетариату. Даже *Поднятая целина*, которая по общей идеологической направленности соответствовала нормативному осмыслению социально-исторических событий, также подверглась критике за слишком яркие сцены раскулачивания, за нечёткость показа влияния на умы крестьян статьи Сталина «Головокружение от успехов» и т.д. В 1968 году при печатании глав из романа *Они сражались за Родину*, где шла речь о репрессиях 1937 года, Шолохов опять наткнулся на рогатки цензуры. Лишь после обращения Шолохова к Брежневу главы были напечатаны, однако без согласования с автором некоторые страницы были опущены. Как видим, М. Шолохов, увенчанный многими государственными званиями и правительственными наградами, воспринимаемый как живой классик советской литературы, на протяжении всего своего творчества находился в состоянии конфронтации с властью, правда, степень этой конфронтации время от времени менялась, а к концу жизни «сошла на нет».

Самыми драматическими для М. Шолохова были годы сталинского правления. Личный секретарь Шолохова с 1951 по 1960 год Федор Шахмагонов, рекомендованный самим Сталиным, так характеризует отношения, возникшие между писателем и вождём: «Отношения между ними сложились странные, порой они разрушают логику образа Сталина, каким он предстает в нашем сознании, не нарушая главного: в отношениях с Шолоховым он оставался деспотом» (Шахмагонов, 1998, 151–152). Первая встреча со Сталиным произошла в середине июня 1931 года на

даче у М. Горького. Во время этой встречи решался вопрос о судьбе третьей книги *Тихого Дона*. Горький высказывал определённые сомнения по поводу содержания этого тома, однако Сталин поддержал молодого писателя, решительно заявив, что роман печатать надо. Причины этого поступка разные исследователи объясняют по-разному. Одни считают, что роман, написанный на документальной основе, мог быть использован Сталиным в политической борьбе с Троцким. В 1931 г. популярность Троцкого, лично руководившего действиями Красной Армии на фронтах Гражданской войны и поэтому виновного в проведении репрессивной политики против казаков, была еще очень высока. Шолоховский роман, раскрывавший правду о причинах казачьего восстания против Советской власти и указывавший на истинных его виновников, мог стать хорошим подспорьем в деле дискредитации политического конкурента Сталина.

Другие исследователи склоняются к мысли, что Сталин, всегда умевший отличить настоящее искусство от подделки, поддержал Шолохова, увидев в нем талантливого писателя. Известен факт, что в 1932 году И. Сталин писал Л. Кагановичу: «У Шолохова, по-моему, большое художественное дарование. Кроме того, он – писатель, глубоко добросовестный: пишет о вещах, хорошо известных ему» (Писатель и вождь, 1997, 17).

Встречаясь с Шолоховым у Горького, Сталин уже был заочно знаком с ним. Дело в том, что в 1929 году Шолохов написал полное отчаяния письмо, где описал жестокие меры проведения коллективизации на Дону: *Жмут на кулака, а середняк уже раздавлен. Беднота голодает.... Народ звереет, настроение подавленное...* (Шолохов, 2003, 34). Письмо было адресовано Евгении Григорьевне Левицкой, члену партии большевиков с 1903 года, заведующей литературной консультацией в издательстве «Московский рабочий». Именно в это издательство в 1927 году Шолохов принес первую часть *Тихого Дона*, с чего и началась их долгая и верная дружба. Ей, женщине, которую он называл «второй матерью», Шолохов откровенно писал о том, как «хозяйничают» районные власти, как незаконно конфискуют имущество крестьян. Описывая факты абсолютного беспредела, Шолохов, передаёт слова крестьян: *Нас разорили хуже, чем разоряли в 1919 году белые* (Шолохов, 2003, 35). Письмо было наполнено такой болью и отчаянием, что Левицкая решила переслать его лично Сталину.

С 1931 по 1941 год Сталин встречался с Шолоховым более двенадцати раз, не менее 16 писем писатель адресовал вождю. У него искал правду, защиту, управу на распоясавшихся местных «микровождей». В письме Сталину от 4 апреля 1933 года Шолохов пишет о голоде, разразившемся как в родном Вешенском районе, так и во всем Северо-Кавказском крае: (...) *сейчас умирают от голода колхозники и единоличники; взрослые и*

дети пухнут и питаются всем, чем не положено человеку питаться, начиная с падали и кончая дубовой корой и всяческими болотными кореньями (...) (Шолохов, 2003, 105). Причиной голода стала репрессивная политика местных властей, которые во имя выполнения плана хлебозаготовок пошли на конфискацию в с е г о хлеба у населения, а за неисполнением одного – на полную конфискацию имущества крестьян: *Я видел такое, что нельзя забыть до смерти: в хуторе Волоховском Лебяженского колхоза, ночью, на лютom ветру, на морозе, когда даже собаки прячутся от холода, семьи выкинутых из домов жгли на проулках костры и сидели возле огня. Детей заворачивали в лохмотья и клали на оттаявшую от огня землю. Сплошной детский крик стоял над проулками. Да разве же можно так издеваться над людьми?* (Шолохов, 2003, 119). Письмо, которое поначалу носит деловой, официальный характер, постепенно наполняется сильными эмоциями, свидетельствующими о равнодушии корреспондента. Некоторые фрагменты письма начисто нарушают представление о жанре послания руководителю государства. Так, пытаются доказать некомпетентность местных властей, неспособных оценить реальные шансы края по выполнению хлебозаготовок, Шолохов приводит диалог между представителями крайкома Федоровым и местного (Вешенского) райкома Корешковым, которые не сошлись в оценке урожайности: *Корешков – человек грубоватый от природы, вежливому обращению необученный (...)* – *взбешённый советом зав. зерновым сектором крайкома т. Федорова «слезть с машины, нагнуться и усмотреть сплошные колоски», – ответил:*

– Я вот сыму штаны, да стану раком, а ты нагнись и погляди. Не такое увидишь! (Шолохов, 2003, 110) В целом, письмо изобиловало фамилиями, цифрами, множеством примеров беззакония (писатель подробно описывает сцены издевательств над крестьянами). В конце письма Шолохов, к тому времени уже написавший первую книгу *Поднятой целины*, недвусмысленно намекает Сталину, что увиденное может стать материалом для второй части книги. Сталин отреагировал на письмо немедленно: во-первых, дал указание выделить для Вешенского района 120 тысяч пудов хлеба, во-вторых, послал для разбора дела комиссию во главе с работником Центральной комиссии ВКП (б) М. Ф. Шкирятовым, который впоследствии подтвердил правильность шолоховского письма о *перегибах* на местах. И хотя количество зерна, выделенного государством в помощь голодающим, далеко не соответствовало истинным нуждам района, а виновники в перегибах понесли лишь условное наказание в виде партийных взысканий, Шолохову казалось, что справедливость восторжествовала. *Хозяин*, как он называет Сталина в письмах к Левицкой,

обращается к нему уважительно, как бы на равных, однако мягко упрекает писателя в политической незрелости, в непонимании происходящих событий в деревне, где многие крестьяне, по мнению вождя, просто саботируют решения советской власти. Шолохов, для которого эти крестьяне не абстрактные личности, а хорошо знакомые, родные люди, не может с этим согласиться. Сердце рвётся писать страшную правду о колхозах, разум начинает корректировать: *хозяин* запретил защищать «саботажников». В это время писатель переживает жестокий творческий кризис: обещанная к зиме 1934 года вторая часть *Поднятой целины* остаётся ненаписанной, работа над четвёртой книгой *Тихого Дона* почти не движется. В преддверии Первого Всесоюзного съезда писателей Шолохов пишет две статьи, где декларирует своё неприятие приспособленческой литературы (одна из них так и называется – *За честную работу писателя и критика*), однако на съезде он даже не выступит. В это время Шолохов явно переживает момент борения с самим собой. Как коммунист (его приняли в партию в 1934 году), член партбюро он активен, деятелен (к нему постоянно обращаются за помощью крестьяне), как писатель – молчит; не пишется...

1936–1937 годы в жизни Шолохова отмечены драматическими событиями: арестованы его ближайшие друзья, соратники по партийной работе, угрозы ареста раздаются и в его адрес. Шолохов, пытаясь помочь друзьям, пишет письма-ходатайства в разные инстанции, наконец, едет в Москву, к Сталину, в надежде на встречу. Однако *Хозяин* его не принимает. В ответ на это Шолохов решает на своеобразный политический протест: после отказа в 1936 году от поездки на Парижский антивоенный конгресс, в июле 1937 года он опять отказывается ехать в Испанию на Международный конгресс писателей, объясняя это решение сложностями своего политического положения в Вешенском районе. В сентябре Сталин посылает к Шолохову генерального секретаря Союза писателей В. П. Ставского. В письме под грифом «секретно» Ставский сообщает Сталину: «(...) М. Шолохов до сих пор не сдал ни 4-ой книги *Тихого Дона*, ни 2-ой книги *Поднятой целины*. Он говорит, что обстановка и условия его жизни в Вешенском районе лишили его возможности писать» (Кузнецов, интернет). Далее Ставский докладывает об «общем тоне разрушения и какой-то безнадежности», лежащем на черновиках 4-ой книги *Тихого Дона*, а также об отказе Шолохова сделать Григория Мелехова большевиком (этого от него добивались давно: ещё в 1931 году А. Фадеев от лица РАППа убеждал сделать героя «нашим»; видимо, этого хотел и вождь). Кроме того, генеральный секретарь Союза писателей передаёт Сталину слова, которые Шолохов сказал ему в пылу откровенности: «Мне приходят в голову такие мысли, что потом самому страшно от них

становится» (Кузнецов, интернет). Ставский интерпретировал эти слова как признание в мыслях о самоубийстве. Думается, не на это намекал Шолохов. Скорее всего, страшно ему становилось, оттого что происходила переоценка ценностей, рушился тот миф об идеальном социалистическом обществе, в который он поверил. Сталин срочно назначает Шолохову встречу, результатом которой стало освобождение из-под ареста его друзей, восстановление их в партии и на прежнем месте работы. От своего лучшего друга Петра Лугового писатель узнаёт, что у того на допросе в Ростовском отделении НКВД под пытками выбивали признание в контрреволюционной деятельности Шолохова. Сам Шолохов получает анонимные письма, в которых односельчане предупреждают о грозящем ему аресте. Арестовывают его родственников, партийное руководство области и края не скрывает враждебного отношения к нему. Шолохову не могут простить 1933 год, когда с его подачи были наказаны местные партийные руководители-перегибщики. Его открыто называют кулацким писателем и идеологом контрреволюционного казачества.

16 февраля 1938 года М. Шолохов пишет обстоятельное письмо Сталину, в котором приводит множество фактов репрессивной политики бюро Ростовского обкома партии. Интересно, что Шолохов по отношению к местной партийной номенклатуре широко использует лексику и формулировки тех лет – *вредитель*, *враг народа* и т. д. Открыто и жестко он пишет о методах работы органов НКВД: о создании *дутых дел*, основанных на наветах и клевете, об атмосфере страха, в которой живут колхозники, о жестоком обращении с заключёнными, о пытках и унижениях, и, наконец, о травле, организованной против него самого. В письме, с одной стороны, содержится здравича в честь Сталина, упование на его справедливость и прозорливость, с другой стороны, – решительный протест против репрессивной политики государства: *т. Сталин! Такой метод следствия, когда арестованный бесконтрольно отдаётся в руки следователя, глубоко порочен; этот метод приволил и неизбежно будет приводить к ошибкам* (Шолохов, 2003, 201). Финал письма звучит как требование: *Надо покончить с постыдной системой пыток (...)*», «*надо тщательно перепроверить дела осуждённых* и т. д. Шолохов просит ещё раз прислать в область комиссию во главе с М. Шкирятовым, зарекомендовавшим себя в 1933 году честным человеком. Однако на сей раз выводы комиссии не подтвердили факты, изложенные Шолоховым в письме, даже то, что со стороны районного отделения НКВД была организована травля писателя. В письме Е. Левицкой он признаётся: *Писательское ремесло очень жестоко оборачивается против меня. Пишут со всех концов страны и, знаете, дорогая Евгения Григорьевна, так много человеческого горя на меня ввалили, что я уж начал гнутья.*

Слишком много для одного человека. Если к этому добавить всякие личные и прочие горести, то и вовсе невтерпёж (Шолохов, 2003, 214).

Получив поддержку сверху, органы НКВД стали усиленно собирать «сведения» о «контрреволюционной деятельности писателя Шолохова». С этой целью к нему был подослан чекист Иван Погорелов, которого шантажом и угрозами вынудили согласиться «разоблачить» Шолохова как главу контрреволюционного подполья. Однако Погорелов сам рассказал об этом писателю. В ночь, когда был назначен арест, Шолохов тайком, кружными путями бежит в Москву, к Сталину. На аудиенцию, которую пришлось ждать несколько долгих дней, были приглашены как авторы, так и жертвы провокации. Шолохов выступал дважды, он гневно обвинял местные органы власти в беззаконии, в фабрикации политических дел против него и других честных граждан. Ивану Погорелову документально удалось доказать Сталину справедливость шолоховских обвинений в адрес руководства ростовского НКВД. Попытка уничтожить писателя без ведома Сталина сегодня кажется невероятной, ибо хорошо известно, что аресты крупных литераторов не осуществлялись без согласия вождя. Возможно, Сталин таким образом хотел «попугать» осмелевшего правдоискателя, поставить его на место. Однако Шолохов всегда считал, что спас его тогда от гибели именно Сталин – так укрепляется в его сознании миф о справедливом вожде, который не сможет развенчать даже «хрущёвская оттепель». *Сталин всегда приятно поражал меня внутренним обаянием, глубиной мысли и своей корректностью*, – скажет он в 1967 году (цит. по: Ермолаев, 2000, 63).

Эта встреча со Сталиным осенью 1938 года стала переломным моментом в писательской судьбе Шолохова. Теперь он был объявлен «великим русским писателем», «любимцем Сталина». В 1939 году 34-летний Шолохов избирается действительным членом Академии наук СССР, награждается орденом Ленина, в 1941 году он получает Сталинскую премию за *Тихий Дон*, избирается депутатом Верховного Совета СССР. Такое отношение вождя к писателю напоминает политику «кнута и пряника», цель которой – полное подчинение воле *Хозяина*. Однако Шолохов старается оставаться независимым человеком: по-прежнему он вступает за безвинно «наказанных» (А. Ахматову, Л. Гумилёва, А. Платонову и др.), отказывается от лстивого прославления вождя (*Иконопись – не мой жанр*, – говорил М. Шолохов (цит. по: Шахмагонов, 1998, 173)).

В мае 1942 происходит неофициальная встреча, во время которой Сталин «делает заказ» на большой всеохватный роман о войне, в котором правдиво и ярко были бы изображены как солдаты, так и гениальные полководцы. После войны в газете «Правда» начинают печатать главы из

романа *Они сражались за Родину*, однако в них нет образа «великого полководца» Сталина. В 1946 году Шолохову предлагают заменить А.Фадеева на посту Генерального секретаря Союза писателей – он решительно отказывается. «Внутренний конфликт Шолохова с властью при внешней атрибутике его почитания и официальной поддержки, – пишет Ф. Кузнецов, – проявлялся даже в самом образе жизни художника: он жил практически отшельником на своём родном Дону, всё более отдаляясь от власть предержащих и не стесняясь демонстрировать полное пренебрежение к руководству Союза писателей СССР» (Кузнецов, интернет).

Правда о «культе личности» Сталина не стала для М.Шолохова личной драмой, однако он не спешил влиться в ряды критиков сталинской системы. С первым секретарём ЦК КПСС Н. С.Хрущёвым его познакомил Председатель Совета Министров СССР Г. М. Маленков. «Приём был радостный, – отмечает Ф.Шахмагонов, – но не без некоторой настороженности» (Шахмагонов, 1998, 193). Настороженность Шолохова объяснялась тем, что он пришел с жалобой на секретаря ЦК КПСС по идеологии Сулова, который, по мнению писателя, препятствовал публикации новых глав *Поднятой целины*. Хрущёв пообещал разобраться, и некоторое время спустя главы были опубликованы в газете «Правда». Начало переписки писателя с Н. С.Хрущёвым датируется 11 апреля 1957 года. К настоящему времени обнаружено 17 писем и телеграмм, отправленных Шолоховым высокопоставленному адресату. Вместе с первым письмом, в котором М. Шолохов поздравил *дорогого Никиту Сергеевича* с присвоением звания дважды Героя Социалистического Труда, он послал главу из *Поднятой целины*: *Мы с Вами жизнерадостные люди, и если при чтении рассказа деда Щукаря Вы улыбнётесь, – буду счастлив* (Шолохов, 2003, 323).

С этого времени у них начали складываться тёплые дружеские отношения. В письмах Шолохов выступает как неравнодушный к проблемам искусства и литературы общественный деятель, а также как тонкий политик и идеолог. В письме от 28 июня 1959 года он настойчиво приглашает Хрущёва к себе в гости, в станицу Вешенскую, приводя, прежде всего, политическую мотивацию необходимости этого визита. Шолохов, незадолго до этого во время поездки по Европе заключивший договоры с иностранными издательствами на публикацию своих книг, писал советскому руководителю: *1. Поймите, как прозвучал бы Ваш приезд в Вешенскую, подчеркнувший дружбу и единство партии и литературы 2. Ваш дружеский визит в Вешенскую заставит задуматься многих фермеров не только Европы и Америки. 3. И не повернутся ли лицом к нам многие писатели капиталистических стран, пока ещё стоящие на перепутье?* (Шолохов, 2003, 333–334).

«Защитник правды» предстаёт здесь, скорее всего, «имиджмейкером», заботящимся об «имидже» Советского Союза и его руководителя на международной арене. Текст письма демонстрирует стремление писателя тактично «подсказать» ожидаемые от главы государства политические шаги, направленные на укрепление связи партийной верхушки с интеллигенцией. Особый интерес представляет подпись под письмом: *Любящий Вас, быть может несколько грубоватой, но суровой и мужской солдатской любовью М.Шолохов* (Шолохов, 2003, 334).

Никогда прежде Шолохов не позволял себе так открыто проявлять эмоции по отношению к носителям власти, что свидетельствует о его стремлении сократить дистанцию между ними. Н. С. Хрущёв откликнулся на приглашение и посетил Вешенскую в августе 1959 года. Визит был обставлен как политическое мероприятие: на станичной площади под вспышки фотоаппаратов и стрёкот кинокамер состоялся митинг, на котором выступили и Шолохов, и глава Советского государства. Однако, как видно из писем, Шолохов стремился выветить отношения с руководителем страны на личный уровень, и это ему удалось. «Хрущёв открыл для себя Шолохова, – пишет Ф. Шамагонов, – и совершил редчайший поступок для властителей с самодержавной властью, – он ввёл писателя в круг своих друзей» (Шамагонов, 1998, 193–194). Общий тон писем М. Шолохова Н. С. Хрущёву отличается особой душевностью и теплотой: все письма начинаются обращением *Дорогой Никита Сергеевич!* (К Сталину он чаще всего обращался *тов. Сталин*), писатель не скупится на добрые слова в адрес Хрущёва и его семьи, всегда подписывается *Ваш М. Шолохов*. Демократизм Хрущёва, его человеческая непосредственность в отношениях с окружающими явно импонировала Шолохову. В довершении ко всему, Хрущёв был таким же заядлым охотником и рыбаком, как сам писатель. Кажется, искренними тёплыми чувствами наполнены шолоховские строки: *Скучаю по хорошим и милым сердцу людям. Вот и по вас соскучился. А чего бы мне от Вас надо? Только увидеть на 2 считанные минуты, пожать Вашу твёрдую руку, взглянуть в весёлые глаза – и всё...* (Шолохов, 2003, 355). Однако факт, что переписка Шолохова с Хрущёвым прервалась в 1964 году, когда последний был снят с должности, несколько корректируют представление об искренности слов и чувств писателя. Возможно, для Шолохова, воспитанного «в духе верности делу Коммунистической Партии», её решение оказалось важнее и весомее, чем личные симпатии к Хрущёву-человеку. Хрущёвская «оттепель», воспринятая многими как глоток свободы и торжество правды, насильно сменилась брежневской эпохой, возвращавшей страну к сталинскому курсу, что доказывало «живучесть» и «незыблемость» прежних идей. Мифологическое сознание вновь торжествует над чувством реальности и правды.

Письма Шолохова Брежневу (с 1965 по 1980), неизменно начинающиеся устоявшейся формулировкой *Дорогой Леонид Ильич*, отличаются предельной краткостью (чаще это записки, написанные во время приезда в Москву и содержащие просьбы либо личного вмешательства главы государства в дела литературные, либо частного характера). Тон писем к Брежневу не постоянен: от дружеского до официального. В первых письмах, сохраняя субординацию, Шолохов осторожно обращается на Вы, хотя знаком был с ним с 1941 года; осторожно выспрашивает, как ему следует поступить в случае присуждения ему Нобелевской Премии, ведь год назад Жан-Поль Сартр отказался её получать со ссылкой на то, что Нобелевский комитет необъективен в оценках: *На всякий случай, мне хотелось бы знать, как Президиум ЦК КПСС отнесётся к тому, если эта премия будет (вопреки классовым убеждениям шведского комитета) присуждена мне, и что мой ЦК мне посоветует?* (Шолохов, 2003, 380). В последующих письмах появляется обращение на ты, уверения в дружеских отношениях, и даже переход на несколько панибратский тон, с «привкусом» лёгкого шантажа. Так, в письме от 30 октября 1968 года Шолохов просит Брежнева прочесть лежащий у него уже более трёх недель отрывок из романа *Они сражались за Родину*, чтобы дать окончательный ответ по поводу возможности его публикации: *О существовании этого отрывка и о том, что он находится в «Правде», широко известно в Москве, и мне вовсе не улыбается, если в «Нью-Йорк таймс» или в какой-либо другой влиятельной газете появится сообщение о том, что вот, мол, уже и Шолохова не печатают, а потом нагородят вокруг этого ещё с три короба (...). Я на Пленуме. Улетаю в субботу, 2 ноября. Срок достаточный для того, чтобы ответить мне, даже не из чувства товарищества, а из элементарной вежливости* (Шолохов, 2003, 395). В 70-е годы, в разгар застоя, тон писем Шолохова по отношению к *дорогому Леониду Ильичу* меняется, он становится сдержанным, всё более официальным, возвращается форма обращения на Вы. В одном из последних писем Брежневу от 14 марта 1978 года М.Шолохов в лучших сталинских традициях утверждает, что русская культура подвергается яростным атакам зарубежного и внутреннего сионизма, подтверждением чего, по мнению писателя, является выход на экран фильма А. Митты «Как царь Пётр арапа женил», в котором открыто унижается достоинство русской нации, *оплёвываются прогрессивные начинания Петра I, осмеиваются русская история и наш народ* (Шолохов, 2003, 429). Письмо было рассмотрено на заседании секретариата ЦК КПСС, на котором был сделан вывод, что шолоховская записка «отличается, к сожалению, односторонностью и субъективностью» (Шолохов, 2003, 431). Коммунистическая идеология в стареющем писателе в который раз взяла

верх над здравым смыслом. Миф и реальность в сознании Шолохова, кажется, слились воедино.

Я (...) прежде всего коммунист, а потом уж писатель – так сформулировал он своё жизненное кредо (Шолохов, 1985–1986, 275), которое обуславливает и объясняет все поступки Шолохова, даже самые неблагоприятные из них. В 1951 году он принимает участие в антисемитской кампании, написав грубый памфлет против К. Симонова; в 1966 году на XXIII съезде КПСС открыто поддерживает арест писателей-диссидентов А. Синявского и Ю. Даниэля: *Попадись эти молодчики с чёрной совестью в памятные двадцатые годы, когда судили, не опираясь на строго разграниченные статьи Уголовного кодекса, а «руководствуясь революционным правосознанием», ох не ту меру наказания получили бы эти оборотни* (Шолохов, 1985–1986, 327).

В мае 1967 года на IV съезде писателей Шолохов выступает против свободы печати (Шолохов, 1985–1986, 56–61); в сентябре 1967 г. пишет письмо в Секретариат Союза писателей СССР, в котором выступает за исключение А. Солженицына из Союза советских писателей вследствие его «антисоветских» взглядов: *Свои антисоветские взгляды Солженицын не только не пытается скрыть или как-то завуалировать, но их подчёркивает, выставляет напоказ, принимая позу такого «правдоискателя», человека, который не стеснясь, «режет правду-матку» и указывает со злостью и остервенением на все ошибки, все промахи, допущенные партией и Советской властью, начиная с 30-х годов* (Шолохов, 2003, 389–390). В роли такого же правдоискателя некогда выступал и сам Шолохов, но это он, кажется, уже позабыл.

«Шолохов к этому времени, – отмечают Агеносов и Павловец, – оказывается в трагическом разладе между искренними убеждениями в правоте партийной линии и реальностью» (Агеносов, Павловец, 2000, 378). Диалог с властью, оказывающей колоссальный прессинг на писателя, закончился для него утратой чувства реальности.

Итак, письма М. Шолохова позволяют проследить динамику отношений писателя с властью. Истинное правдоискательство художника под воздействием социально-исторического пресса сменяется участием во всеобщем процессе мифотворчества, сутью которого стало преобладание идеологических ценностей над общечеловеческими.

Историю судьбы М. Шолохова можно было бы интерпретировать как трагическую историю о том, как власть убивала в нём честного человека и думающего писателя, если бы не одно «НО»... Будучи человеком, наделённым цепким природным умом, народной мудростью, Шолохов незадолго до смерти, по-видимому, осознал не вечность тех идеологических ценностей, которые сам так горячо отстаивал: *Паршивые, бездарные*

ученики мы у истории – вот что плохо. А у неё одно, весёленькое такое, правило есть. Всё, что для предков правым было, для потомков чаще всего неправым оказывается. И далеко ходить не надо. Всё, что нашим отцам-дедам дорого было, мы на штыки подняли. Но и всё, чем мы сейчас восторгаемся, и всех, кто восторгается, скорее всего уже наши внуки проклянут (цит. по Агеносов, Павловец, 2000, 379). Предвидение – это дар и привилегия большого художника, каковым был и остаётся в русской литературе Михаил Шолохов.

ЛИТЕРАТУРА

- Агеносов, В., Павловец, Т. 2000. *Шолохов* // Русские писатели XX века. Биографический справочник. – Москва: Дрофа.
- Ермолаев, Г. 2000. *Шолохов и его творчество*. – Москва: Академический проект.
- Кормилов, С. 1998. *Шолохов* // Русская литература XX века. – Москва: Изд-во МГУ.
- Кузнецов, Ф. *Неразгаданная тайна «Тихого Дона» – Статья 3-я* // Шолохов и Сталин. – <http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/01/381/71.html>
- Писатель и вождь. Переписка Шолохова со Сталиным*. 1997. – Москва: Раритет.
- Шахмагонов, Ф. 1998. *Бремя «Тихого Дона»* // Плата за страх. – Москва: Молодая гвардия.
- Шолохов, М. 2003. *Письма*. – Москва: ИМЛИ РАН.
- Шолохов, М. 1985–1986. Собр. соч.: В 8 т. Т.8. – Москва: Художественная литература.

Dialog with Power in M. Sholohov's Letters

Examination of M. Sholohov's epistolary heritage in the context of the "writer and government" problem shows the depth of the writer's inner drama, which is the conflict between the writer's vision and the real world, myth and reality. In the thirties Sholohov appears as the truth seeker, which is confirmed by his letters to I. Stalin. However, under the socio-historic pressure, communist ideology overrules common sense of writer, which is detected in his letters to N. Khrushchev and L. Brezhnev, and also in his public speeches.

History of Sholohov's fate could have been interpreted as tragedy of a broken personality, if not for his last statements shortly before death, which proved his inner independence.

Key words: *epistolary heritage, myth and reality, socio-historic pressure.*